

СТАТЬИ

УДК 94(574+575)"1603"

Набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году
в описании военных и гражданских дореволюционных авторов

А.М. Дубовиков

*ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
Тольятти, Российская Федерация*

В начале XVII века отряд яицких казаков во главе с атаманом Нечаем совершил набег на Хивинское ханство, разграбив и разорив его столицу – город Ургенч. Однако набег закончился для казаков трагически – все они были перебиты многократно превосходившими их по численности войсками хана Араб-Магомета, сын которого спустя несколько десятилетий описал это событие в своей книге, посвященной истории ханства. Исчезновение этой старинной книги при сохранившихся ее переводах на разные европейские языки хотя и не позволяет восстановить содержание протографа с абсолютной точностью, но свидетельствует, что предания уральских казаков о походе их предков во главе с Нечаем на Хивинское ханство отражают реальные события, что это не мифы и не легенды, созданные фантазией казаков. Труды всех упомянутых в статье авторов, несмотря на присутствующие в них различия, содержат сравнительно небольшие объемы информации о тех событиях, так как они, как правило, охватывают широкие хронологические рамки, внутри которых набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году – это лишь небольшой эпизод. В статье также проанализированы причины различий в освещении этого события разными авторами.

Ключевые слова: Яицкие казаки, Нечай, Хивинское ханство, П.И. Рычков, Е.Д. Желябужский, М.И. Иванин, В.А. Потто, А.И. Макшеев, М.А. Терентьев, Н.И. Веселовский, П.П. Калитин

Для цитирования: Дубовиков А.М. Набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году в описании военных и гражданских дореволюционных авторов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.10–30. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.10-30>

Казаки на раннем этапе своей истории регулярно совершали набеги на соседей. Объектами их набегов обычно становились территории мусульманских стран, лежащих к югу от казачьих земель.

Уже в XVI в. в Москву не раз отправлялись жалобы ногайских мурз на яицких казаков, доставлявших им немало беспокойства. Кроме ногайских кочевий, яицкие казаки нападали и на персидские владения, которые

в ту пору располагались не только на южном, но и на западном берегу Каспия, а также на купеческие суда, плывущие по его водам. Осенью часть казаков не возвращались на Яик, а оставались зимовать на каком-то каспийском острове (или даже островах), представлявшим собой нечто вроде пиратского гнезда, где хранилась добыча (дуван) и велся ее дележ, откуда производились набеги. В фольклоре яицких казаков сохранилось предание о таком месте, имя которому – «Камын-остров».

Восточный берег Каспия, в отличие от западного, был неинтересен казакам. Грабить там было некого и нечего, так как на этом пустынном и безводном месте не было никаких селений, лишь изредка там появлялись временные стоянки кочевников.

В XVI в. казаки еще не решались на походы в Среднюю Азию, поскольку она не только находилась на значительном удалении, но и была для них «terra incognita». Они не только имели о ней скудные представления, но даже не знали точного пути туда, и без проводников из числа местных жителей могли просто заблудиться. Но в начале XVII в. они все-таки отважились на это рискованное предприятие. Смельчаков возглавил атаман Нечай.

Тот набег нельзя считать первым среднеазиатским походом русских войск, ибо яицкие казаки еще не были русскими подданными. Тем не менее, они были первыми русскими, пришедшими в Среднюю Азию с оружием.

Владения хана Араб-Магомета русские авторы называют Хивинским ханством. Это не совсем правильно; Хива, вместо Ургенча, стала столицей ханства в 1616 г., спустя 13 лет после набега Нечая, совершившего набег именно на Ургенч. Историки никогда не называли ханство Ургенчским, но иногда называли Хорезмским, и это справедливо, ибо оно вполне может считаться наследником древнего Хорезма.

До нашего времени не сохранилось прямых исторических источников о набеге на Ургенч отряда Нечая. Косвенными источниками можно считать старинные предания яицких казаков. Более ценным источником, пусть даже вторичным, является рассказ хана Абулгази-бахадур (1603–1664) о набеге Нечая. В книге хана, посвященной истории правления его предшественников, этому событию было отведено немного места [10].

Абулгази занял престол в 40 лет, выиграв долгую борьбу с братьями [15]. Видимо, тогда же он начал сбор материалов для своей книги, работу над которой вел до самой смерти, но закончил ее уже сын Абулгази – Мухаммед-Ануш. В ней затронуты вопросы истории, географии, генеалогии и другие аспекты в широких хронологических рамках – от хорезмских древностей до 1660-х гг.

Рукопись каким-то образом оказалась у пленного шведа Юхана фон Страленберга, сосланного в Тобольск Петром I. Протограф был утерян, но сохранился его русский перевод, выполненный кем-то из представителей тюркских народов. Русский вариант также был утерян, но сохранился его

немецкий перевод, а первое печатное издание вышло на французском языке в 1726 г. под названием «*Histoire généalogique des Tartares, traduite du manuscrit tartare d Abulgasi-Bayadur-Chan*».

Перевод, выполненный В.К. Третьяковским, задержался почти на два десятилетия, а издание книги – еще почти на четверть века. В итоге русское издание появилось только в 1768 г. с подробными комментариями Г.Ф. Миллера, порой превышающими объем основного текста.

Поскольку Г.Ф. Миллер, в отличие от П.С. Палласа, с яицкими казаками не сталкивался и в их краях не бывал, его комментарии о них содержат массу неточностей и ошибок. Он полагал, что яицкие казаки – не бывшие русские, а народ, издревле живший в кыпчакской степи: «*Козацкий народ есть также стар, как и все другие соседние им народы*» [10, с.350]. С переписью полковника Захарова (1722–1723 гг.) он, видимо, не был знаком.

Никогда не общавшийся с казаками, Г.Ф. Миллер заявлял, что их язык – не что иное, как «*род особливого языка*» [10, с.347]. Нелепо выглядит и его утверждение, что яицкие казаки носили «*кафтаны из толстого белого сукна*», что «*женское платье*» у них «*такое же, как и мужское*», что женщины на Яике ходят с «*непокровенною головою*» [10, с.347]. Достоверные источники приводили совсем другие данные. Г.Ф. Миллер писал, что яицкие казаки «*питаются земледельством*», хотя и признавал второстепенными занятиями рыболовство и скотоводство [10, с.347]. Но хорошо известно, что до XIX в. яицкие казаки вообще не занимались земледелием.

Трудно согласиться с Г.Ф. Миллером, писавшим о Яике, что «*берега сея реки плодоносны*» [10, с.347]. Низовье Яика – это, в основном, земли, малопригодные для земледелия.

Ничем не подтверждено и утверждение, касающееся оружия казаков: «*Обыкновенное их оружие состоит в луке и стреле, при том же и в сабле*» [10, с.348]. Что касается огнестрельного оружия, то оно якобы выдается им на зиму, а весной изымается. Совершенно нелепое утверждение.

Когда Г.Ф. Миллер писал о «Яицком городке», столице Яицкого войска, он имел в виду не будущий Уральск, а Гурьев, ибо он отметил, что тот городок «*стоит на правом берегу реки Яика за 40 верст от ея устья*» [10, с.349]. Но от Каспия до Яицкого городка (Уральска) вверх по течению Яика (Урала) не 40, а около восьмисот верст. Ну а Гурьев-городок, переданный Яицкому войску в 1752 г. [3, с.1], никогда не был административным центром Яицкого войска.

Абсурдна и оценка численности яицкого казачества, которое «*может стать военных людей до 30.000 человек*» [10, с.350]. Согласно переписи, прошедшей спустя пять лет после выхода книги с комментариями Г.Ф. Миллера, в войске имелось 4252 служилых казака и 690 отставников. Вместе со священниками, администрацией, денщиками и их малолетними

сыновьями, Яицкое войско насчитывало 9787 «душ мужского пола»¹. Поэтому даже при всеобщей мобилизации оно вряд ли могло бы выставить более пяти тысяч.

Непонятно, зачем П.И. Демезон сделал французский перевод, если таковой давно уже имелся? Название новой версии («Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan» [17]) отличалось от прежнего названия. Эта книга вышла в свет в 1874 г., уже после смерти П.И. Демезона. Видимо, на нее ориентировались те русские авторы, что рассказывали не о двух (Нечая и Шамае), а о трех походах яицких казаков в начале XVII в. То есть походу Шамае якобы предшествовали два похода, хотя ничего подобного нет ни в казачьих преданиях, ни в первом русском переводе книги Абулгази. Поэтому версию о трех походах можно найти у ряда российских авторов, чьи работы вышли в 1870-е – 1900-е гг.

Итак, имелись издания книги Абулгази с разными переводами разных лет. Поэтому любые ссылки на эту книгу являются ссылками не на хана, а на его переводы, порой тройные и четверные. Из-за этого трудно сказать, в чем основная причина разночтений: в неточности переводов, в интерпретациях событий (связанных не только с научной методикой, но и с научной этикой как переводчиков, так и авторов, использующих их переводы).

Эти косвенные источники – казачьи предания и книга Абулгази – за неимением других источников позже использовались разными авторами.

Как отметил П.И. Рычков, *«все записано со словесного объявления»*. При этом сам он не ручался за точность услышанного, ссылаясь на отсутствие надежных официальных документов и на малограмотность рассказчиков, в речах которых он видел нестыковки, путаницу, искажение исторических событий и фактов. Как он отметил, все его собеседники за *«многопрошедшим временем основательно показать не могли, для того, что грамотных людей у них и поныне еще мало»* [11, с.290].

Из записанных им преданий явствует следующее: *«Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву»*. И далее: *«С оными отправился он по Яику-реке вверх»* [11, с.286–287]. Но зачем? Правильнее было бы двигаться не вверх, а вниз, и далее – к Устьюрту. Выходит, казаки так плохо знали маршрут, что решили сделать большой крюк? Перед походом они провели круг, на котором дьяк, имя которого не сохранилось, стал отговаривать их от похода, *«изъясняя, что путь будет степной незнакомый, провианта с ними не довольно, да и самих их на такое великое дело малоллюдно»*. Разгневавшись, Нечай велел повесить дьяка, отчего *«оныи горы прозваны, и поныне именуются, Дьяковыми»* [11, с.287]. Но в те времена круговая демократия позволяла высказывать разные точки зрения, не опасаясь за свою жизнь. Да и атаман вряд ли бы осмелился кого-то казнить без согласия круга. Другое дело – в походе или на

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.653. Оп.1. Д.2. Л.655.

войне, но поход еще не начался, шло лишь его обсуждение. В общем, предание вызывает много вопросов.

Далее в предании упоминался не Ургенч, а Хива, куда Нечай *«способно дошел, и, подступая под нее в такое время, когда хивинский хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах»* [11, с.287]. Но у Абулгази нет ни слова о войне.

Об убийствах жителей и о насилиях над ними предания не сообщают, говорится лишь, что отряд Нечая *«всем тамошним богатством завладел, а хивинских жен в полон побрал»*. При этом *«одну он, Нечай, сам себе взял, и при себе ее содержал»* [11, с.287]. Согласно тому же преданию, казаки не двинулись в обратный путь сразу после разграбления города, а *«несколько времени жили в Хиве во всяких забавах»*. Лишь *«ханская жена, знатно, полюбя его, Нечая, советовала ему: ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался»*. Лишь после этого, и то *«не весьма скоро»*, отряд *«из Хивы выступил, и в пути, будучиотягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог»* [11, с.287–288]. Поэтому далеко уйти Нечай не смог, и хан *«через три дни его настиг на реке, именуемой Сыр-Дарья, где казаки через горловину ея переправлялись»*. Бой был жарким, *«Нечай с казаками своими, хотя и храбро оборонялся»*, но силы были неравны, и Нечай *«со всеми имевшимися при нем людьми, побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско Яицкое возвратились, и о его погибели рассказали»* [11, с.288].

Снова масса вопросов. Может, на какое-то время казаки задержались в городе, пируя и радуясь богатой добычей? Но могла ли жена хана влюбиться в разорителя своего города? И зачем казакам двигаться к Сырдарье? Видимо, переправлялись они через какой-то рукав Амударьи; зачем им возвращаться в противоположном направлении?! Предание рассказывает об одном бое, в котором погиб весь отряд, но у Абулгази рассказ более подробный; в нем говорится не об одной схватке.

Объяснить это можно тем, что с Нечаем ушли не все казаки, а потому о том, что происходило на Яике, могла сохраниться подробная информация, которой Абулгази владеть не мог. Напротив, он знал, что произошло после набега казаков на Ургенч, о чем казаки уже не могли ничего рассказать. Что касается нескольких спасшихся, то, возможно, их не было вовсе. Вряд ли хивинцы, мстя за свой город, могли кого-то оставить в живых, даже с целью выкупа. Еще менее вероятно, что несколько казаков могли преодолеть огромные расстояния по незнакомым, жарким и безводным степям, к тому же заселенным враждебными им племенами. Возможно, имела место путаница, связанная с хивинским походом А.Н. Бековича? Из того похода, также завершившегося трагически, все же вернулись несколько человек. Правда, одни из них были выкуплены из плена, а другим вернуться на родину помогли калмыки. Да и отряд А.Н. Бековича не разорял хивинских городов. К тому же имена казаков, уцелевших после похода

А.Н. Бековича, известны, тогда как имена «спасшихся» участников набега Нечая неизвестны никому.

Старинные песни яицких казаков содержат различные сведения об их ранней истории, в том числе о походе Нечая. Они написаны в жанре русских былин [13, с.54]:

*Не пора и нам, ребята, во поход идти?
Мы Дарью-реку пройдем рано с вечера,
А Куван-реку пройдем во глуху полночь.
А в Хиву придем, ребята, на белой заре,
Мы хивинскому визирю не поклонимся,
С его младшими женами познакомимся.*

Далее поется о стремлении «поклониться новыми землями», дабы царь простил их за прошлое «баловство» [13, с.55]:

*А не то пойдем ребята, полоним Хиву,
Покорим мы ее Царю-Батюшке,
А Хивой тогда, ребята, мы поклонимся.*

Вряд ли это было мотивацией к действиям казаков; иного желания, кроме захвата дувана, у казаков не было. Да и царь накануне активной фазы смуты пока еще не мог строить планы на Среднюю Азию.

Из казачьих преданий также известно, что вскоре после похода Нечая последовал поход Шамаа. Он завершился еще более трагично, чем поход Нечая; казаки не смогли дойти ни до Хивы, ни до Ургенча. Сбившись с пути и оказавшись в голодной степи, они оказались в крайней нужде, без боя сдались в плен и попали в рабство. По этому поводу ни у кого из авторов расхождений нет.

Также информацию о набеге Нечая можно найти в «Статейном списке посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова» из «Сборника» князя Г.Д. Хилкова (1835–1885) [12]. Документ датирован 1622 г., но он сильно искажает историю набега, которому посвящен один абзац, где сказано, что «*пришли с Еика казаки, Нечай Старенский с товарищи, и взяли город Юргенч, и людей побили, и корысть многую поимали; а отойти было не на чом, лошадей не было, и они сели в городе, а Юргенской Арап-царь собрався, их осадил, и сговорил их на то, что отпустить всех живых, и лошади под них дати, а дал им-де на то душу, а как-де они сдались, и он на правде своей не устоял, всех побил*» [12, с.386]. То есть казаки, захватив город, не могли быстро его покинуть за неимением лошадей, кроме тех, что должны были везти телеги с дуваном. Тогда хан, собрав большое войско, окружил Ургенч, вступил в переговоры с казаками и пообещал им не только сохранить жизнь, но и предоставить лошадей в обмен на оставление всего награбленного. Но хан нарушил свои обещания; казаки, выйдя из города, тут же были перебиты.

Этот рассказ больше других источников искажил события 1603 г., хотя с тех пор прошло менее двадцати лет. Вряд ли посол сделал это умыш-

ленно. Видимо, о походе Нечая он узнал из уст бухарцев, знавших про те события, но имевших о них смутные представления.

Василий Александрович Потто (1836–1911) в 1870 г. в чине майора стал начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища. Будучи в этой должности, он написал известный труд «О степных походах» [9], предназначенный для юнкеров и фактически ставший учебным пособием.

В 1871–1872 гг. В.А. Потто командировался в Уильское укрепление, расположенное в казахской степи, гарнизон которого укомплектовывался преимущественно уральскими казаками, с которыми ему не раз приходилось сталкиваться. С 1860-х гг. он регулярно публиковал свои книги и статьи, посвященные военным действиям на Кавказе и в казахской степи, военно-учебным заведениям и боевому пути отдельных воинских формирований, военной истории в целом. В.А. Потто скончался в чине генерал-лейтенанта; чин генерала от кавалерии ему был присвоен посмертно.

Первые столкновения русских с представителями Средней Азии В.А. Потто датировал концом XVI в., подразумевая под русскими яицких казаков. В этническом отношении они, конечно, по преимуществу были русскими, хотя считать их подданными русского царя, пожалуй, было еще слишком рано. *«Первые вооруженные столкновения русских с среднеазиатскими народностями начались в конце XVI века, когда на Яике поселились воинственные яицкие казаки, скоро сделавшиеся грозой для своих соседей»*, – пишет он [9, с.40].

Далее он сообщает, что яицкие казаки *«пускались в Каспийское море грабить торговые суда и разорять прибрежные персидские колонии»* [9, с.40]. Действительно, в ту пору яицкие казаки, перезимовав на Яике, весной отправлялись промыслять грабежами и разбоями, поскольку это был основной способ добычи средств к существованию. Вести речь о земледелии и даже скотоводстве было еще рано. Второстепенными промыслами могли служить лишь рыболовство и охота. Каспий был важным местом, дававшим казакам возможность пожить. О набегах яицких казаков на прибрежные персидские города, подобных набегам Стеньки Разина, прямых свидетельств нет. Однако сохранились предания о грабеже судов, пливших по Каспию.

Согласно В.А. Потто, идея похода в Хиву пришла к казакам спонтанно: *«Во время одного из таких набегов им удалось захватить проезжавших купцов, от которых они узнали о существовании богатой хивинской земли, и тотчас решили идти на нее войною»* [9, с.40]. Место, где были захвачены купцы, не указано ни у Абулгази, ни в казачьих преданиях. Поэтому есть разные версии относительно этого места – как на море, так и на суше, включая побережье Яика. Но что значит «узнали о существовании богатой хивинской земли»? Новостью стало известие о ее существовании или о ее богатстве? Во всяком случае казаки прекрасно знали про Хивинское ханство, а про его богатства могли и не знать, если оно и вправду

имело место. При этом у В.А. Потто нет информации ни о количестве купцов, ни об их убийстве.

Набегу В.А. Потто посвятил лишь одно предложение: *«Составили новую партию, и, перейдя киргизскую степь налегке, без обоза, с теми запасами, которые могли поместиться на седлах, ударили на главный хивинский город Ургенч в то время, когда в нем не было ни хана, ни войска»* [9, с.40]. Об отсутствии в городе войск сообщается в тексте Абулгази, а об отсутствии тяжелого обоза с возами и верблюдами – в казачьих преданиях. То и другое В.А. Потто учел.

В.А. Потто повторяет круглые цифры, приведенные Абулгази. Возможно, он им полностью доверяет и не ставит их под сомнение, а возможно, просто не придавал им принципиального значения: *«Город был истреблен, казаки взяли тысячу женщин, нагрузили более тысячи телег богатой добычей, но, на обратном пути, благодаря тяжелому обозу, достигнуты были хивинцами»* [9, с.40].

Далее следует такое же краткое описание гибели отряда: *«Окруженные и отрезанные от воды, казаки бились несколько дней сряду, утоляя жажду свежей кровью убитых, но, наконец, почти все были перебиты хивинцами. Только ста человекам удалось пробиться до Амударьи, и скрыться в ее камышах, откуда они рассчитывали пробраться на Яик, но через 15 дней убежище их было открыто – и ни одному из них не удалось вступить на родную землю»* [9, с.40].

В этой части своего повествования В.А. Потто ни разу не упомянул Нечая, потому что представил его предводителем казаков в следующем походе: *«Не скоро оправились казаки после такой катастрофы, но когда оправились, то снова пошли на Хиву в числе 500 человек, под начальством атамана Нечая»* [9, с.41]. Второй поход полностью копирует первый: *«Набег был сделан удачно, но, отступая с тяжелым обозом, казаки опять были достигнуты хивинцами при переправе через Сырдарью, и опять были перебиты все поголовно»* [9, с.41].

Здесь автор уже следует казачьим преданиям, согласно которым отряд Нечая насчитывал пятьсот казаков. Но в тех преданиях ничего не говорится ни о втором походе Нечая, ни о походе, предшествовавшем ему.

Поход Шемая у В.А. Потто уже третий, и он не похож на предыдущие два, описанные им. Те закончились неудачно, но казаки хотя бы добрались до ханской столицы. Шамаю не довелось ни дойти до конечного пункта, ни поживиться захваченным добром, ни сразиться с противником: *«Третий поход, предпринятый атаманом Шемаем, окончился еще неудачнее. Казаки сбились с дороги, и вместо Хивы попали на берег Аральского моря, а тут подоспела зима, начались морозы, зашумели бураны, и казакам нечем стало питаться. «Сперва, – говорит историк, – казаки убивали друг друга, чтобы есть мертвечину, но под конец, обессилев совершенно, призвали к себе хивинцев, и добровольно отдались им в рабст-*

во» [9, с.41]. Именно так описан финал похода Шама и у других авторов, и в казачьих преданиях.

Но откуда у В.А. Потто взялся второй поход? Возможно, он невнимательно работал с источниками? Или воспроизводил прочитанное по памяти, которая его подвела? Две разные цифры – 1000 и 500 казаков (взятые у хана и у П.И. Рычкова) – отложились в памяти так, что автор указал разные походы? А может, эту идею он позаимствовал у П.И. Демезона? Но его книга вышла годом раньше книги с переводом П.И. Демезона, хотя узнать его позицию В.А. Потто мог и до выхода книги в свет.

Вновь встал вопрос о переправе казаков через Сырдарью, до которой от Ургенча не одна сотня верст, причем в противоположном направлении от Яика. Простить такую ошибку можно П.И. Рычкову, но востоковед П.И. Демезон, живший столетием позже, допускать такие ошибки не имел права! Или это было просто бездумное переписывание?

Михаил Игнатьевич Иванов (1801–1874) окончил военную академию в чине капитана при Оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском, не так давно сменившем П.П. Сухтелена. В качестве начальника штаба М.И. Иванов был участником неудачного хивинского похода В.А. Перовского 1839–1840 гг.

Позже он был членом временного совета по управлению Внутренней киргизской (казахской) ордой, образованной на юге волжско-уральского междуречья после ухода оттуда калмыков. После смерти Букея, ее первого хана, беспорядки в той «орде» приняли большой размах из-за внутренних конфликтов и злоупотребления знати. Апогеем стал мятеж, поднятый против хана Джангира старшиной Малой орды Исатаем Таймановым, доставивший немало беспокойства и русским властям. В итоге пришлось ликвидировать ханскую власть, для чего был создан специальный совет, который возглавил полковник М.И. Иванов, вскоре ставший управляющим Внутренней ордой. Службу на Кавказе он продолжал уже в генеральском чине, а позже, будучи членом Русского географического общества, написал немало военно-исторических, военно-географических и военно-теоретических работ, прежде всего посвященных Средней Азии, Кавказу и казахской степи. Его статьи публиковались в «Военном сборнике», «Морском сборнике», «Русском инвалиде», «Записках географического общества», «Инженерном журнале» и других изданиях. Генерал-лейтенант М.И. Иванов ушел из жизни в год выхода своего главного труда – «Описания зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г.» [6], работе над которым он посвятил не одно десятилетие, собирая и обрабатывая обширную документацию, которая ежедневно велась во время того похода.

Прежде чем описывать зимний поход В.А. Перовского, М.И. Иванов обратился к его предыстории, отметив, что первым походом русских на Хиву стал набег на Ургенч яицких казаков под руководством атамана Нечая в 1603 г.

Как пишет М.И. Иванин, экскурс в историю был сделан не ради памяти о минувшем, а «для лучшего ознакомления со свойствами степных походов», так как «успех или неуспех похода в степях» зависит «от умения приготовить войска для похода» [6, с.7]. Абулгази, по его данным, родился, когда на Ургенч напали яицкие казаки, но датирует это он 1605 г.

М.И. Иванин пишет, что казаки выступили с Уральской линии, хотя никакой линии тогда еще не было. Она появилась лишь спустя полтора века и изначально была не «Уральской», а «Яицкой».

М.И. Иванин мог быть знаком с текстом Абулгази, хотя и не оригинальным. Согласно М.И. Иванину, казаки захватили десять хивинских купцов, прибывших к берегам Урала, от коих они узнали, что «хан кочует с ордой своею на берегах р. Аму», после чего казаки, «убив восемь из этих купцов, остальных двух взяв вместо провожатых, пошли, в числе 1000 человек, в Хивинское Ханство» [6, с.7].

Как и Абулгази, М.И. Иванин определил численность отряда Нечая в тысячу казаков, которые, зайдя в Ургенч, изрубили жителей, кроме тысячи женщин, ставших их добычей. Вся добыча казаков поместилась в тысячу арб [6, с.7].

Информация об убийстве купцов присутствует не у всех авторов; например, у В.А. Потто ее нет. В.А. Потто мог умышленно опустить эту информацию, не желая, чтобы казаки, даже на ранних этапах своей истории, выглядели бандой грабителей. А возможно, автор просто, как и в случае с Сырдарьей, упустил из внимания эту деталь.

Так как казаки задержались в Ургенче и возвращались медленно из-за тяжести добычи, хан сумел не только собрать большое войско, но и догнать их «в каком-то ущелье». Хан отрезал им путь к отступлению, и те «после двухдневного кровопролитного боя, хотя успели пробыться, но должны были оставить всю свою добычу вместе с взятыми красавицами» [6, с.7–8].

Преследуя беглецов, «Арап-Магомет-Хан обходом настиг их в другом тесном месте, где уральцы не могли уже пробыться; и как воды здесь было мало, то они, для утоления жажды, принуждены были пить кровь убитых своих товарищей» [6, с.8].

Далее М.И. Иванин отмечает, что «после продолжительного боя» почти все казаки «были истреблены», однако «сотня из них успела уйти и укрыться близ города Тука, на берегу р. Кгессиль». М.И. Иванин справедливо полагает, что под этим названием следует понимать Амударью или какой-то из ее рукавов. Что же до горных теснин, то он считает, что это отроги Устюрта. Некоторое время сотне казаков удавалось прятаться, питаясь рыбой. Тем не менее, «они, чрез 15 дней, были открыты и истреблены» [6, с.8].

М.И. Иванин пишет, что, «несмотря на стереотипное число 1,000 казаков, 1,000 арб и 1,000 захваченных женщин, рассказу этому в общих

чертах нельзя не верить». Действительно, нет причин не верить хану, а круглые числа можно считать приблизительными.

М.И. Иванин делает заключение, что *«бездомные Уральские казаки, желая обзавестись женами, сделали набег на Хиву, пришли, в Ургенч исправно, захватили много себе невест, и если б не домогались об увеличении их приданного, то, может быть, благополучно возвратились бы домой»* [6, с.8]. Таким образом, М.И. Иванин понимал, что в ту пору казаки еще не вели оседлой жизни, не были привязаны к дому, хозяйству и семье. Значит, прирост населения был механическим, браки временными (обычно с пленницами) и церковью не освященными. С какого места на Яике выступил Нечай? Это тоже важный вопрос, на который нет однозначного ответа.

Казалось бы, все просто – подобные сборы обычно проводились в Яицком городке или же близ него в условном месте, так как никаких других казачьих городков на Яике в ту пору еще не было. Условным местом часто был район близ Дьяковой горы, чуть выше Уральска, но это не значит, что казакам следовало продолжать движение в том же направлении, значительно увеличивая протяженность маршрута.

Еспер Дмитриевич Желябужский (1846–?) был представителем старого русско-польско-литовского рода и не был профессиональным военным. Тем не менее он известен как военный историк, благодаря работам о А.В. Суворове, Екатерине II, ее полководцам, сподвижникам и т.п.

Одна из его работ посвящена истории завоевания Хивы [4]. Вот что, по его мнению, представлял собой поход Нечая: *«Первый поход в Хиву произошел случайно и без всяких приготовлений: поселившиеся на берегах Яика (Урала) казаки, грабившие и разорявшие в то время всех и все, что только попадало им под руку, поймали однажды нескольких хивинских купцов, ехавших с товарами в Россию. Ограбив их до последней рубашки, казаки допытали хивинцев, что и как в их стране. Сведая о богатствах Хивы, и о том, что летом там войско распускается, отчаянные казаки, недолго думая, скоро собрались, и, в количестве до тысячи человек, без всякого обоза, и только с тем, что могло поместиться в седле, отправились на поживу»* [4, с.1].

Е.Д. Желябужский не пишет ни об убийстве купцов, ни об их количестве. Версию о том, что в поход казаки отправились «налегке», он разделял, как и другие авторы. По поводу численности отряда его точка зрения совпадает с позицией Абулгази, хотя он даже не знал кто это: *«Предание об этом походе осталось из сочинения одного знатного хивинского сановника, да переходящей из рода в род удалой песни самих уральских казаков»* [4, с.2].

Как и В.А. Потто, он пишет о двух походах, за которыми последовал и третий – видимо, поход Шамая. Е.Д. Желябужский Нечая назвал *«отважным атаманом яицких казаков»* [4, с.2] и их предводителем во втором походе, тогда как имени лидера первого похода он не назвал, описав фактически то же самое, что случилось с участниками похода Нечая. Но факт

гибели Нечая в первом походе не вызывает сомнений, как и то, что никакого второго похода с его участием не было и быть не могло.

Е.Д. Желябужский, представив один поход яицких казаков в качестве двух разных походов, скорее всего, позаимствовал эту информацию у В.А. Потто, чья книга вышла двумя годами раньше. К тому же местами он едва ли не слово в слово цитирует В.А. Потто – о захвате купцов казаками, об отправке казаков «налегке» и т.п.

Также он пишет, что казаки разграбили несколько городов, чему нет подтверждений (*«разорили несколько городов и побрали много добра и женщин, и снова, на обратном пути, были все до одного уничтожены настигнувшими их хивинцами»* [4, с.2]). Возможно, казакам попадались небольшие аулы, но говорить о городах не приходится, так как их не было.

Николай Иванович Веселовский (1848–1918) – выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, востоковед и археолог – посвятил истории Хивинского ханства одну из своих книг [2]. Он отметил, что будущий хан Абулгази родился в 1603 г., спустя 40 дней после нападения казаков на Ургенч. Возможно, «40 дней» – символическая цифра, но то, что рождение Абулгази и набег яицких казаков – события, произошедшие почти одновременно, не вызывает сомнений, как и то, что, описывая набег, Абулгази использовал данные участников тех событий, включая отца.

В книге Н.И. Веселовского, вышедшей в 1877 г., правлению Араб-Магомета посвящена отдельная глава. В целом, основные вехи неудачного похода Нечая те же: набег казаков и разорение Ургенча, где не было ни хана, ни его войска. Далее следует погоня хана и истребление отряда Нечая.

Объясняя причину отсутствия хана, Н.И. Веселовский предположил, что тот был на войне с Бухарой. Войны между этими соседями случались нередко, но Бухара в данном контексте больше не упоминалась ни у кого из всех авторов, чьи книги вышли раньше. Из предания, записанного П.И. Рычковым, следует, что хан действительно с кем-то воевал, но с кем именно – не сказано. В переводе В.К. Третьяковского значится лишь, что Араб-Магомет *«выехал в поле, чтоб препроводить лето с вельможами подданными своими»* [10, с.347]. Там же сказано, что *«яиджикские урусы»* («яицкие русские», то есть яицкие казаки) решили совершить набег, *«уведомившись, что не бывает военных людей летом в городе Ургенче»* [10, с.346–347]. Отсутствие хана и его войска разные авторы пытались объяснить, выдвигая разные версии. Так, Е.Д. Желябужский полагал, что хан распускал свое войско на лето, а М.И. Иванин считал, что летом хан кочует вместе со своей «ордой».

Н.И. Веселовский пишет не только о захвате тысячи пленниц, но и тысячи пленников, хотя у хана речь о пленниках не шла. Что касается боев, то о них у Н.И. Веселовского вообще ничего нет, кроме того, что *«дело кончилось тем, что казаки были перебиты все до одного»* [2, с.127].

Н.И. Веселовский отметил, что с книгой П.И. Рычкова он знаком, поэтому, сопоставив предания с книгой в переводе В.К. Третьяковского, писал: *«Подтверждая рассказ Абул-Гази, предание это различается с ним только в подробностях»*. Кроме того, он сослался на работы авторов первой половины XIX в. – И.В. Жуковского [5] и К.М. Вера [1].

Ссылки на работу И.В. Жуковского не стоит воспринимать всерьез. Это небольшая брошюра, несколько страниц которой посвящены Уральскому казачьему войску, история которого описана поверхностно и примитивно. Походу Нечая автор посвятил два предложения: *«Яицкие казаки делали поиск к столице Урганыч бывшего Хорезмского, ныне Хивинского владения. Разграбив оную, с сокровищами возвратились на реку Урал, но Арап Магомет, тогдашний царь Хоразмский, предупредил казаков на обратном пути, и поразил так, что только три или четыре казака возвратились на Урал возвестить о смерти товарищей»* [5, с.62–63]. Как понять «делали поиск»? И как «царь Хоразмский» мог «предупредить на обратном пути» казаков, если они уже «возвратились на реку Урал»? Тем более что такой реки в XVII в. не существовало. А сколько казаков вернулись на Яик – трое или четверо? И вернулись ли? Информация о трех-четырех казаках есть в казачьих преданиях, но ни их имена, ни истории их спасения неизвестны. Странно. Тем более что, согласно преданиям и некоторым авторам, именно от них поступила информация о том, что произошло с отрядом Нечая. Но информация для казачьих преданий могли поступить из разных источников. Например, от восточных купцов. Иная информация содержится у В.А. Потто, писавшего, что *«ни одному из них не удалось вступить на родную землю»*.

Сравнивая данные разных авторов и разных источников, Н.И. Веселовский указал расхождения, фиксируя их, но, не пытаясь отстаивать ту или иную версию. Он отмечает, что, по одним данным, казаков было 500, по другим – 1000. Он задает вопросы: Какой же город они разорили – Хиву или Ургенч? Когда произошло нападение – в июле или в августе? И далее рассуждает в том же духе. Он даже высказал ни на чем не основанное предположение, что предводителем казаков был не Нечай, а его сын – «Нечаев» [2, с.127].

Книга А.И. Макшеева «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских» была издана в 1890 г., когда он уже давно находился в отставке [8]. Тогда же вышла статья «Ахалтекинская экспедиция» П.П. Калитина [7].

Из 14-ти глав книги А.И. Макшеева первые три посвящены Средней Азии и казахской степи до эпохи Петра I. Один из пунктов третьей главы носит название «Набеги яицких казаков на Хиву в начале XVII столетия» [8, с.50–57]. В ней автор сообщает, что казаки закрепились на Яике *«после разорения Сарайчикова, столицы ногайцев»*, то есть в последней четверти XVI в. Далее он пишет, что яицкие казаки *«приняли подданство Московского царя, и служили ему впервые, сколько известно, в 1591 году»* [8,

с.50]. С этим утверждением согласиться трудно. Вряд ли в период царствования Федора Ивановича (а фактически – Бориса Годунова) Москва могла дотянуться до далеких берегов Яика. Даже у самих яицких (уральских) казаков существует предание, что их служба царю началась при Михаиле Федоровиче, хотя и эта версия довольно сомнительна. Да и о походе 1591 г. (против шамхала Тарки) казачьих преданий не сохранилось. Согласно преданиям, записанным П.И. Рычковым, «государева служба» началась с «чигиринских походов», то есть в последней четверти XVII в., хотя, согласно архивным материалам, яицкие казаки принимали участие еще в Смоленской войне 1632–1634 гг. Но даже этот факт еще не означает, что они были подданными московских властей, «государевыми служилыми людьми».

Можно согласиться с другим утверждением А.И. Макшеева, что в начале XVII в. московское подданство *«не мешало, однако, казакам, самовольно производить набеги на Хиву»*. То есть независимо от того, имело ли место такое подданство, свои набеги казаки совершали без каких-либо согласований с Москвой, что вполне естественно для их ранней истории. Как и у других авторов, у А.И. Макшеева в качестве источников были использованы свидетельства хана Абулгази и предания яицких казаков [8, с.51–52]. При этом он справедливо ставит под сомнение круглые цифры, объясняя это склонностью округлять подобные данные [8, с.52–53].

Также он считает, что места событий, связанных с походом Нечая, современники определяют не совсем точно из-за изменения направления рукава Амударьи. Он, ссылаясь на того же Абулгази, утверждает, что после 1575 г. окрестности Ургенча стали быстро превращаться в пустыню, поскольку от крепости Тук протока Амударьи свернула в другую сторону, а расстояние между Туком и Ургенчем занимает несколько часов пути. Очевидно, в этом была главная причина последующего переноса столицы в Хиву из Ургенча (который стал называться «Куня-Ургенч»).

Пересказывая казачьи предания о походах Нечая и Шамая, А.И. Макшеев допускает как то, что похода Шамая вообще не было, так и то, что он все же имел место. Но если он все же состоялся, Абулгази вполне мог не заметить его, так как казаки не дошли до хивинских селений и никак не повлияли на события, происходящие в ханстве [8, с.53–56].

Число казаков Нечая, указанное в предании (500, а не 1000, как у Абулгази) А.И. Макшеев считает более вероятным. Справедливы и слова о том, что в преданиях, записанных П.И. Рычковым, имеются ошибки и неточности географического характера, отчего в них *«указания местности не только не верны, но и не правдоподобны»*. А именно: зачем захватывать Хиву (как сообщают предания), если Ургенч намного ближе (к тому же столицей был пока еще он)? Зачем возвращаться на Яик через Сырдарью? И т.п.

Краткий рассказ Гуляева существенно отличался от содержимого книг П.И. Рычкова или Абулгази, с которыми рассказчик, скорее всего, знаком не был, как и с работами упомянутых выше авторов. Согласно

П.П. Калитину, источником информации у Гуляева были лишь старые казаки, хранители всевозможных преданий.

Вот весь текст того краткого рассказа: *«Старики рассказывали, как наш атаман Нечай с 4000 уральцев пошел в набег с Урала одвуконь, да так, с налета и захватил Хиву; несколько месяцев казаки правили Хивой; хан был в походе на Бухару, услышав, тотчас вернулся; пришлось отступить, добра с собою набрали много, навьючились тяжело, а корысть-то и погубила: на взморье догнал хан со всей силой; сам Нечай, все старшины и казаки сложили там свои головы, немногие вернулись из плена, и рассказали своим на Урале»* [7, с.95]. Конечно, цифра в четыре тысячи в разы превышает те цифры, что были приведены прочими авторами. В самом начале XVII в. собрать в поход такое число яицких казаков было невозможно. Причем яицких, а не уральских, коими они стали спустя почти два столетия. Конечно, они отправились не «с Урала», а если кто-то и смог бы вернуться то не на Урал, а на Яик. Казаки не захватывали столицу ханства «с налета», поскольку никакого сражения не было; они вошли в город, в котором не было никаких войск. Вряд ли разорение города и «правление» им – это одно и то же. К тому же столицей ханства на тот момент Хива еще не была. И вряд ли казаки могли задерживаться в Ургенче на месяцы. Хан, узнав о нападении, сразу же двинулся спасать свою столицу, и это заняло гораздо меньше времени, иначе не пришлось бы догонять казаков. И о каком взморье шла речь? Согласно Абулгази, казаки были настигнуты в районе реки Кгесил (очевидно, одного из рукавов Амударьи). Берега Арала были не так далеко, но вряд ли казаки могли их достичь.

Кого же следует винить в этих неточностях – Гуляева или П.П. Калитина, невнимательно слушавшего рассказ, что-то напутавшего или забывшего, так как статья вышла спустя десятилетие после его беседы с Гуляевым. Думаю, и П.П. Калитин, и Гуляев просто передали нехитрый рассказ стариков именно в том виде, в котором им об этом поведали.

Александр Павлович Хорошхин (1841–1875) был не только хорошим офицером, но также талантливым писателем, журналистом и полиглотом, свободно владевшим тюркскими языками. Выходец из дворянской казачьей семьи, он закончил азиатское отделение Оренбургского кадетского корпуса, где обучался с 12 до 18 лет, и по окончании был произведен в чин хорунжего. В 24 года, по личной просьбе, он был направлен в Туркестан, будучи в чине есаула, где принимал участие во многих боях. После взятия Хивы он, наряду с несколькими русскими, некоторое время был членом ханского правления, ежедневно общаясь с ханом и его окружением, ибо среди русских членов «дивана» он был единственным, кому не требовался переводчик.

Событиям 1603 г. он посвятил поэму «Ургенч» [13, с.55–57]. Вот, например, строки, посвященные захвату богатого дувана:

*Славно сделан набег,
Взяты шелк, серебро,
В девятьсот, слышь, телег,
Все поклади добро.
Да красавиц, к тому ж,
Взято в плен девятьсот...*

Интересно, почему цифре 1000 автор предпочел цифру 900? Просто так, для рифмы? Возможно, но кроме него эту цифру никто не называл. По-иному, трагически звучат строки о неравной схватке казаков с войском хана, закончившейся гибелью отряда:

*Бьются день, солнце жжжет.
Обложил враг кругом,
И вздохнуть не дает
Под палящим лучом...
Бьются ночь. Кучи тел
Вознеслись здесь и там,
И орел прилетел
К посиневшим телам.*

В трудах А.П. Хорошхина наша яркое отражение его служба в Средней Азии. Десятки его статей выходили как в столичных («Русский инвалид», «Военный сборник»), так и в региональных изданиях («Туркестанский вестник», «Уральские войсковые ведомости»). В начале 1870-х гг. вышли его статьи «От Оренбурга до Казалинска», «От Казалинска до Ташкента», «Очерки Туркестана», «Народы Средней Азии», «Очерки Семиречья», «Кызылкумский дневник» и др.

К сожалению, этот талантливый самородок, будучи подполковником, погиб в бою под Махрамом в 1875 г., на пятый день после своего 34-летия. Статьи А.П. Хорошхина, посвященные Средней Азии, вошли в «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», вышедший спустя год после гибели их автора [16].

Как и другие, упомянутые выше, авторы-генералы, М.А. Терентьев в своей книге охватывает широкие хронологические рамки, начиная с самых первых походов русских в Среднюю Азию. Информация о походе Нечая заняла у него около трех страниц [14, с.13–15]. Но там нет ни слова ни о купцах, захваченных казаками, ни о причинах отсутствия хана в своей столице, ни о подготовке казаков к походу, ни об их проводниках.

Возможно, М.А. Терентьев, чья книга вышла гораздо позже книг М.И. Иванина и В.А. Потто, как и В.А. Потто (но не как М.И. Иванин) умышленно опустил историю с захватом и гибелью купцов, дабы поход Нечая не казался разбойничьим налетом, а выглядел справедливым актом возмездия за нападения на русские (включая казачьи) земли.

У М.А. Терентьева присутствует информация, которой нет ни у кого из других авторов, ни в переводах книги Абулгази, ни в комментариях Г.Ф. Миллера. Причиной похода Нечая М.А. Терентьев считает месть за набеги азиатов: *«Мстя за набеги набегами, удалые яицкие казаки отстояли ... Россию от многих бед вторжения дикарей»* [14, с.13]. Если бы речь шла не о ранней истории яицкого казачества, это было бы справедливо. Наверное, М.А. Терентьев понимал, что в те годы набегов хивинцев на яицких казаков зафиксировано не было (в отличие от конфликтов с казаками или ногайцами). Понимал, но специально хотел показать казаков не грабителями, а мстителями, дабы не выбиться из контекста всей книги в целом.

Далее (непонятно зачем?) автор пишет, что *«1000 казаков напали на Ургенч, где тогда войск не было; разграбили город, захватили большой полон в 1000 девушек и столько же мальчиков»* [14, с.13–14]. М.А. Терентьев оказался вторым после Н.И. Веселовского, кто записал в число казачьей добычи не только девушек. Но Н.И. Веселовский писал о мужчинах, а М.А. Терентьев – о мальчиках. К чему все это и откуда? Было бы логично разъяснить: зачем казакам мальчики? Чтобы воспитать свою смену? А ведь некоторые, читая эти строки и зная истории про «бачей», могут принять это за гомосексуальную педофилию (которая в те годы на Востоке процветала)!

Согласно М.А. Терентьеву, «Араб-хан», зная местность лучше казаков, смог их обойти и, перерезав им путь, окопаться для встречи противника. Далее он сообщает, что казаки *«дрались два дня и взяли окопы, но хивинцы были конные, они отошли ... и снова окопались»* [14, с.14]. Начался новый штурм, продолжавшийся пять дней. Из-за отсутствия воды казакам пришлось пить кровь своих убитых лошадей, отчего на пятый день были вынуждены сами перейти к обороне. Другие авторы обычно сообщают, что казаки, мучаясь от жажды, пили не кровь лошадей, а кровь погибших товарищей. Конечно, можно допустить оба варианта, но речь может идти только о погибших, а не о живых лошадях, поскольку лишиться их, убив, в условиях азиатских степей и пустынь означало бы неизбежную гибель отряда.

Спустя еще два дня казаки были перебиты все, кроме одной сотни, которая *«прорвалась к реке и держалась тут за завалами из деревьев 15 суток, но, наконец, была также истреблена»* [14, с.14]. То есть казаки не скрывались, прячась в камышах, как это было описано некоторыми другими авторами, а держали оборону, имея доступ к воде. Но могла ли уставшая и обессилевшая сотня 15 дней отражать атаки многотысячного войска хана? Прятаться в камышах, наверное, могла, но отражать атаки – нет.

Далее М.А. Терентьев сообщает, что в 1605 г. состоялся второй поход яицких казаков в Хивинское ханство, не только завершившийся подобно первому, но и происходивший по тому же сценарию. Но это не поход Шамая, о котором речь шла отдельно [14, с.14–15]. Второй поход описан более кратко, чем первый. При этом ни в том, ни в другом случае имя Нечая

вообще не упоминается! Очевидно, автор и сам не знал, какой из двух походов следует приписать Нечая, и, во избежание ошибки, решил вообще отказаться от привязки его имени к какому-либо из походов. Датируя второй поход 1605 г., М.А. Терентьев не указал даты первого, отметив лишь, что он произошел летом, «в начале XVII столетия» [14, с.13–14].

Можно предположить, что М.А. Терентьев пользовался книгами В.А. Потто или Е.Д. Желябужского, но такой нужды у него не было, поскольку он сам отметил, чей труд был использован: «Абул-Гази, хивинский хан, (французский перевод истории сделан и издан в 1874 г. бароном Демезоном, директором учебного отделения восточных языков при азиатском департаменте нашего министерства ин. дел) упоминает о двух набегах яцкиких казаков в начале XVII столетия на Хивинское ханство» [14, с.13]. Но зачем ему понадобился французский текст П.И. Демезона, приписавшего хану слова, которых в переводе В.К. Тредиаковского нет? Тем более что к тому времени имелись еще два более «свежих» издания, вышедшие в Казани и в Петербурге в 1856 и в 1871 гг. на русском языке в переводе Г.С. Саблукова. Первый том книги М.А. Терентьева вышел в 1903 г., и его автор мог использовать самые разные издания, но выбрал не лучшее.

В то же время М.А. Терентьев упомянул и книгу П.И. Рычкова, сославшись на казачьи предания, но, видимо, не придавал им значения, поскольку в них идет речь не о трех, а о двух походах (Нечая и Шамая). Но М.А. Терентьев ничего не пояснил, отметив, что, согласно преданию, у Нечая (упомянутого впервые) было 500 казаков, у Шамая – 300 [14, с.14]. Таким образом, М.А. Терентьев, как и некоторые из указанных выше авторов, вместо того чтобы вести речь о двух походах (Нечая и Шамая), перечисляет три похода, второй из которых организовал Нечай, третий – Шамай, а первый – неизвестно кто.

Таким образом, изначальный текст Абулгази-хана, видимо, был краток и содержал следующую информацию:

- об отсутствии Араб-Магомет-хана в Ургенче;
- о набеге казаков на незащищенный город;
- о захвате ими богатой добычи;
- о медленном отходе казаков;
- о погони многочисленного войска, собранного ханом;
- о разгроме основных сил казаков, а затем и всех остальных.

К сожалению, авторы переводов допускали не только ошибки, но и, скорее всего, вносили коррективы согласно собственному видению событий, отчего и возникали разночтения. Кроме того, авторы порой обращались не только к переводам ханской книги, но и к работам других авторов, что вносило путаницу и мешало внесению ясности в видение событий. Если же добавить сюда и казачьи предания (не говоря уже о фольклоре), то картина станет еще более запутанной. К сожалению, сегодня воспроизвести изначальный текст Абулгази с абсолютной точностью, как и отдельные подробности тех событий, уже не удастся.

И все же, благодаря Абулгази-хану, имеется общее представление о походе Нечая, и можно смело утверждать, что в произведениях казачьего фольклора, как и в казачьих преданиях, речь идет о реальных событиях, и что Нечай – это не мифический персонаж.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вер К.М.* Воспоминание о походе уральских казаков против Хивы в начале XVII столетия // Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. 1840. №11. С.41–43.

2. *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877. 364 с.

3. *Железнов И.И.* Уральцы. Т.III. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1910. 439 с.

4. *Желябужский Е.* Очерки и завоевание Хивы. М.: Издание народного журнала «Грамотей», Типография А.И. Мамонтова и К°, 1875. 128 с.

5. *Жуковский И.В.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. СПб.: Тип. Н.Греча, 1832. 78 с.

6. *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1874. 268 с.

7. *Калитин П.П.* Ахал-Текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т.28. С.79–112.

8. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. 370 с.

9. *Потто В.А.* О степных походах: публичные лекции, читанные при Оренбургском юнкерском училище в 1872 г. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. 128 с.

10. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык, с рукописной татарской книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная мелким числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами с французского на российский в Академии наук. В 2 т. Т.2. СПб.: Императорская Академия наук, 1768. 484 с.

11. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1887. 408 с.

12. Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 614 с.

13. Сборник уральских казачьих песен / собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

14. *Герентьев М.А.* История завоевания Средней Азии с картами и планами. Т.1. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1903. 514 с.

15. Хорезм в истории государственности Узбекистана / отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Ташкент: «Узбекистан файласуфлари миллий жамияти», 2013. 336 с.

16. *Хорошхин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Граншеля, 1876. 583 с.

17. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan. T.I–II. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874. 393 с.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 17.04.2023

Принята к публикации 03.07.2023

The raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603
in the description of military and civilian pre-revolutionary authors

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

At the beginning of the 17th century, a detachment of Yaik Cossacks, led by ataman Nechai, raided the Khiva Khanate, plundering and ruining its capital – the city of Urgench. However, the raid ended tragically for the Cossacks – they were all killed by the troops of the Khan Arab-Mohammed, whose son, a few decades later, described this event in his book on the history of the Khanate. The disappearance of this ancient book with its preserved translations into various European languages, although they do not allow us to restore the contents of the protograph with absolute accuracy, but they show that the legends of the Ural Cossacks about the campaign of their ancestors led by Nechai to the Khiva Khanate reflect real events, that these are not myths and legends created by the imagination of the Cossacks. The works of all the authors mentioned in the article, despite the differences present in them, contain relatively small amounts of information about those events, since they, as a rule, cover a wide chronological framework, within which the raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603 is only a small episode. The article also analyzes the reasons for the differences in the coverage of this event by different authors.

Keywords: Yaik Cossacks, Nechai, Khiva Khanate, P.I. Rychkov, E.D. Zhelyabuzhsky, M.I. Ivanin, V.A. Potto, A.I. Maksheev, M.A. Terentyev, N.I. Veselovsky, P.P. Kalitin

For citation: Dubovikov A.M. The raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603 in the description of military and civilian pre-revolutionary authors. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.10–30. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.10-30> (In Russian)

REFERENCES

1. Ver K.M. Memories of the campaign of the Ural Cossacks against Khiva at the beginning of the 17th century. *Mayak*. 1840, no.11, pp.41–43 (In Russian)

2. Veselovsky N.I. *An essay of historical and geographical information about the Khiva Khanate from ancient times to the present*. St. Petersburg: Panteleev brothers Publ., 1877. (In Russian)

3. Zheleznov I.I. *Uralsy. Ural Cossacks* Vol.3. St. Petersburg: "Obschesvennaya polza" Publ., 1910. 439 p. (In Russian)

4. Zhelyabuzhsky E. *Essays and the conquest of Khiva*. Moscow: Edition of the national magazine "Gramotei", A.I. Mamontov and K^o Publ., 1875. 128 p. (In Russian)

5. Zhukovsky I.V. *A brief overview of the memorable events of the Orenburg Region, located chronologically from 1246 to 1832*. St. Petersburg: N. Grech, 1832. 78 p. (In Russian)

6. Ivanin M.I. *Description of the winter campaign in Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: "Obschesvennaya polza" Publ., 1874. (In Russian)

7. Kalitin P.P. Akhal-Teke expedition. *Russkii vestnik*. 1890, Vol.28, pp.79–112. (In Russian)

8. Maksheev A.I. *Historical overview of Turkestan and the offensive movement of Russians into it*. St. Petersburg: Military printing house Publ., 1890. 370 p. (In Russian)

9. Potto V.A. *On steppe campaigns: public lectures delivered at the Orenburg Cadet School in 1872*. St. Petersburg: Departament udelov Publ., 1873. 128 p. (In Russian)

10. The genealogy story of the Tatars, translated into French, from the manuscript Tatar book of the work of Abulgachi-Bayadur Khan, and supplemented by a small number of notes reliable and curious about the direct current state of North Asia with the required geographical landcards from French to Russian at the Academy of Sciences. In 2 volumes, Vol.2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1768. 484 p.

11. Rychkov P.I. *Topography of the Orenburg province. An essay by P. I. Rychkov in 1762*. Orenburg: B. Breslin Publ., 1887. 408 p. (In Russian)

12. *Collection of Prince Khilkov*. St. Petersburg: Panteleev brothers Publ., 1879. 614 p.

13. *Collection of Ural Cossack songs*. Collected and published by N.G. Myakushin. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1890. 289 p. (In Russian)

14. Terentyev M.A. *History of the conquest of Central Asia with maps and plans*. Vol.1. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1903. 514 p. (In Russian)

15. *Khorezm in the history of statehood of Uzbekistan*. Ed. by E.V. Rtveladze, D.A. Alimova. Tashkent: "Uzbekistan failasufllari milliy zhamiyati" Publ., 2013. 336 p. (In Russian)

16. Khoroshkhin A.P. *Collection of articles concerning the Turkestan region*. St. Petersburg: A. Tranchel's Publ., 1876. 583 p. (In Russian)

17. *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan*. Vol.1–2. [The History of the Mongols and Tatars by Abulgazi Khan. Vol.1–2]. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874. (In French)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Social Technologies and Humanities, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received April 17, 2023

Accepted for publication July 3, 2023